

Дарья Дегенарь

Любовь
не
по плану

Дарья Беженарь

Любовь не по плану

<https://litres.ru/74548664>

Аннотация

День Любы и так висит на ниточке. Последняя капля — наглец на чёрном БМВ, который забрал её парковочное место и добавил к этому пару колких фраз. Теперь он в её персональном «чёрном списке», но судьба явно не собирается на этом останавливаться.

- взрослые герои - настоящий мужчина - начальник и подчиненная - юмор

История Максима и Марины:

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1

Скидываю туфли. Всовываю ноги в тапочки и выдыхаю:

— Ка-а-айфф! За целый день в этих туфлях ноги жужжали, как взбесившаяся пчелиная фабрика. Ещё чуть-чуть — и я бы начала опылять цветы по дороге.

Ко мне тут же подбегает наша кошка Кнопа, жалобно мявкает и трётся об ноги.

— Привет, Кнопа. Ну чего ты? Голодная? Пошли покормлю.

Захожу на кухню, насыпаю корм.

— А где хозяйка твоя? Опять звезда наша где-то блистает?

— Мяв.

— Я так и поняла. Значит, как обычно «я на пять минуточек», а потом сторис до полуночи.

Беру телефон, набираю дочь. Гудки... трубку не берёт.

— Ну, придёт домой — получит у меня по первое число. До первого сентября будет сидеть у меня дома с книгами.

Переодеваюсь в домашнее, разогреваю себе макароны по-флотски. Звоню маме, узнаю, как у них с папой дела. Слушаю про соседку, кур, урожай и закрутки. Ещё раз набираю Ане — тишина.

Иду в зал, включаю сериал. Но на душе всё равно неспокойно.

Решаю набрать Анину подругу. Та тоже не берёт трубку.
— Да что ж такое! Они что, в глуши без связи?

Из полусна меня вырывает мелодия телефона. Резко под-
скакиваю. Первая мысль: будильник, пора на работу, я про-
спала всё на свете. Но нет — звонок с неизвестного номера.

— Слушаю.

— Рясная Любовь Евгеньевна?

— Да, это я.

— Вас беспокоит Мамонтов, дежурный отдела полиции,
— голос в трубке звучит спокойно, но твёрдо, как у челове-
ка, который уже сто раз произносил эту фразу. — У нас на-
ходится ваша дочь, Анна Рясная. Была задержана за наруше-
ние общественного порядка: шум и распитие спиртных на-
питков в общественном месте. Сейчас она в отделении, нуж-
но, чтобы кто-то из родителей подъехал.

У меня из рук едва не выпадает телефон. В груди всё сжи-
мается, и на секунду мир будто замирает.

— Я сейчас приеду. Скажите только куда.

Называет адрес. Записываю дрожащими пальцами, тут же
хватаю ключи, на ходу натягиваю кроссовки.

— Кнопка, сиди тут, я скоро, — шепчу кошке, которая
смотрит на меня огромными глазами.

Вылетаю из квартиры, захлопываю дверь. Только в лифте,
когда двери закрываются, наконец-то делаю глубокий вдох
— и тут же снова выдыхаю, потому что воздуха всё равно не
хватает.

Подъезжаю к отделению — парковка забита машинами так плотно, будто тут проходит тайный съезд автолюбителей, которые принципиально не умеют парковаться.

— О, есть одно свободное место! — радостно выдыхаю я и начинаю целиться.

Но не успеваю даже повернуть руль — чёрный БМВ ловко влетает на моё место.

— Эй, ты куда?! Это моё место!

Выхожу из машины, подхожу к окну, стучу. Окно опускается. За рулём сидит бугай с выражением лица, полным превосходства.

— Это было моё место.

— Ваше? — приподнимает бровь так высоко, что кажется, она вот-вот улетит.

— Вы же видели, что я собиралась...

Окно поднимается, не дав мне договорить.

— Вот хамлю! — обескураженно ахаю

Дверь БМВ открывается, и он выходит. И правда бугай какой-то. Ещё и небритый. «Бандюган, что ли? Точно, кто ж ещё на таких тачках ездит»

Он обходит машину, и я, не думая, вылетаю вперёд, перегораживаю ему путь.

— Женщина, вы не ошиблись с парковкой? Психиатрическая лечебница на соседней улице, — с ехидным смешком.

— Гад!!! — кидаю ему в спину. — Невоспитанный какой! Неужели в этом мире совсем не осталось нормальных мужи-

ков? Только такие хамы, бандюганы или диванные пролежни, как мой бывший муж, на которого я ухандокала восемнадцать лет жизни. Он хотел только пиво пить и на диване валяться, а я тащила на своих плечах и дочь, и себя, и его. Блин, да от Кнопы больше толку, чем от него!

Мама с отцом долго меня убеждали, что развод — это крайняя мера, что ради дочери нужно стараться сохранить брак, что «дети должны жить в полной семье», «легко разрушить, сложно построить» и всё такое. И я терпела. Пока не застала его с любовницей на нашей супружеской кровати.

Ладно, сейчас не до воспоминаний. Оглядываюсь по сторонам в поисках хоть какого-то места. Сейчас главное — Аню забрать. Остальное потом.

Паркуюсь через дорогу, возле церкви — тут хоть место нашлось, спасибо батюшке (или просто удача наконец-то повернулась ко мне лицом). Иду пешком до отделения, а дождь тем временем накрапывает всё настойчивее, будто небо тоже хочет добавить мне проблем. В сотый раз мысленно проклиная того бандюгана на БМВ — и за место, и за испорченное настроение, и вообще за всё.

Захожу в отделение полиции. На КПП объясняю, что я — Рясная Любовь Евгеньевна, приехала по звонку Мамонтова. Дежурный молча переписывает мои паспортные данные, потом кивает в сторону коридора:

— Направо, третий кабинет.

Иду, постукивая кроссовками по холодному полу, и серд-

це колотится где-то в горле. Стучу, открываю дверь.

В кабинете Мамонтова — моя Аня, какой-то парень и... тот самый бандюган. Мир явно издевается.

— Здравствуйте, я Любовь Евгеньевна Рясная. Приехала забрать свою дочь.

Аня тут же бросается ко мне в объятия, прижимается, как в детстве, когда разбивала коленку.

— Мамочка, я ничего не делала и не пила, честно! — таторит она, глядя на меня огромными виноватыми глазами. — Это всё не про меня!

Я невольно принимаюсь: алкоголем и правда не пахнет. Только сладковатый запах её шампуня и цитрусовый парфюма.

— Мы уже всё выяснили с Владимиром Васильевичем, — кивает Мамонтов. — Можете забирать дочь. Но профилактическую беседу всё-таки рекомендую провести.

— Как скажете, — выдыхаю я, стараясь не показывать, как у меня внутри всё дрожит от облегчения и злости одновременно.

Выходим с Аней за дверь. Следом — бандюган со своим отпрыском. И нет бы пройти мимо, но, судя по всему, это не про него.

— Что вы, женщина, за дочерью не следите? — бросает он с таким видом, будто сам — образец идеального родителя. Меня аж накрывает волной раздражения.

— Мужчина, идите куда шли, — резко отвечаю, развора-

чиваясь к нему. — За сыном своим лучше следите, а не мне указывайте. В отделение они попали вместе, если вы не заметили.

Парень тут же встречается, чуть ли не подпрыгивая от желания всё объяснить:

— Па, Аня тут ни при чём! Это я её повёз к Кисляку на днюху, а там они с ребятами замутили всю эту кринжатину, за которую нас и задержали. Она вообще не хотела ехать, а я сказал, что всего на полчаса. А потом полчаса растянулись, и тут полиция...

Бандюган хмурится, явно не готовый к такому повороту.

— То-то же, мужчина, — не могу удержаться я. — Моя Аня ни при чём. А вот у вашего сына, похоже, сомнительные друзья... и беда со словарным запасом.

Он только фыркает, будто хочет что-то возразить, но, видимо, понимает, что сейчас не лучший момент. Берёт сына за плечо и уводит по коридору, бормоча что-то про «разберёмся дома».

Остаёмся с Аней вдвоём. Она смотрит на меня, кусая губу, и я вдруг понимаю, что злиться сейчас бесполезно.

— Пойдём, — тихо говорю, обнимая её за плечи.

— Мама, Ярик хороший. Очень хороший. Не злись на него, он не хотел.

— Мгм. Хороший... — выдыхаю я.

Дорогие читатели, приветствую вас в моей новой истории. Не забывайте ставить ##книге и добавлять в библиотеку.

Спасибо!##

Глава 2

Утро на работе начинается привычно: гул офисной техники, тихий перезвон телефонов, запах кофе из автомата у лифта.

Сажусь за свой стол, включаю монитор, экран загорается таблицами, письмами, напоминаниями.

После событий вчерашнего вечера я, конечно же, Аню наказала — так сказать, в воспитательных целях. Не стала устраивать разбор полётов с криками и упрёками, просто чётко обозначила границы: телефон — в сторону, никаких гулянок, дома — заниматься. К моему удивлению, она приняла это с достоинством. Ни слёз, ни истерики, ни хлопанья дверьми. Только тихо, но очень убедительно просила меня не думать плохо про Ярика.

Как я поняла, он — старшеклассник, на год старше Ани. Недавно перевёлся в нашу школу. Тихий, вежливый, но, видимо, слишком легко поддаётся чужим идеям. И слишком плохо чувствует, где заканчиваются «полчасика» и начинается настоящая беда.

Листаю папку с документами и пытаюсь собрать мысли в кучу.

— Любаш, а ты уже видела нашего нового босса? — Галя подлетает к моему столу, глаза горят, в руках — стопка распечаток. Она у меня помощница: быстрая, внимательная,

обожает офисные сплетни, но работает так, что грех жаловаться.

— Босса? — поднимаю взгляд.

— Ну да! Год был управляющим филиала на Покровской, и, говорят, там такие порядки навёл — все ходили по струнке. Зато показатели взлетели. А ещё он такой... краса-а-авчик! — мечтательно вздыхает моя помощница.

Красавчиков мне вчера вечером хватило. Перед глазами тут же всплывает хамло бандитской наружности. И чего я вообще о нём вспомнила?

Невольно морщусь, будто съела лимон.

— Нет, не видела, — снова возвращаю своё внимание к экрану компьютера. — А куда Павла Ивановича дели?

— Так на Покровскую перевели.

— Ясно.

— По кофейку, может?

— Нет, Галь, давай работу работать, потом кофеек.

— Ага-ага, — она не обижается, уже привыкла к моим резким переходам. — Найди мне договор по «Лакомке». И выгрузки по последним платежам. Хочу сверить с графиком.

— Сейчас, сейчас, — она уже щёлкает мышкой, что-то бормочет себе под нос, быстро перебирает папки. — Слушай, а говорят, он очень требовательный. Никаких опозданий. Всё чётко, по плану.

У меня жизнь сейчас вообще не по плану, — хочется ответить, но я только киваю.

Галя вдруг замирает, смотрит на меня внимательно:

— Люб, ты в порядке? Ты какая-то... не такая.

— В порядке, — выдавливаю улыбку. — Просто много всего навалилось...

— Ладно. — понимающе кивает. — Сейчас всё найду.

— Спасибо, Галь.

Звонок по внутреннему телефону. Галя быстро хватается трубку.

— Да. Да. Доброе утро. Сейчас, — тараторит она, кивая кому-то на том конце, потом кладёт трубку на место и, побелев, смотрит на меня.

— Любаш, Бережной просит тебя зайти.

— Бережной? — нахмуриваюсь я, пытаюсь сообразить, где я уже слышала эту фамилию. — Это кто?

— Ну... это наш новый босс. Тот самый, про которого я тебе говорила.

Блин, как не вовремя. И так зашиваюсь.

— Ладно. Пойду познакомлюсь.

— Люб, может, сначала кофе?

— Да какой кофе? — качаю головой. — Сама же сказала, что не терпит опозданий.

Я встаю, одёргиваю пиджак, делаю короткий вдох.

— Если через десять минут не вернусь — вызывай спасателей.

— Удачи. — смеётся Галя.

Иду по коридору, здороваюсь с коллегами, а сама чув-

ствую внутри небольшой мандраж. Я ценный сотрудник и в своей работе уверена, но кто его знает, этого Бережного, что у него в голове. Кабинет начальника — в самом конце, у окна, откуда открывается вид на весь операционный зал.

Перед дверью замираю. Секунда. Вторая. Делаю короткий вдох и стучу.

— Войдите, — раздаётся оттуда низкий, спокойный голос. Открываю дверь.

Он сидит за столом, просматривает какие-то бумаги. Поднимает взгляд... и у меня внутри всё обрывается.

Мать моя женщина! Бандюган. Вот это я попала.

— Рясная?

— Бережной?

— Владимир Васильевич, — откидывается на спинку стула, смотрит ровно, без тени узнавания. Или делает вид, что не узнаёт.

— Любовь Евгеньевна, — отвечаю ему тем же тоном. Холодным. Официальным. Как будто между нами не было ни парковки, ни полиции.

— Присаживайтесь, Любовь Евгеньевна, — кивает он на стул напротив.

Сажусь. Стараюсь держать спину прямо, смотреть уверенно, но внутри всё дрожит мелкой противной дрожью. Не от страха — от возмущения. От нелепости ситуации. От того, что жизнь подкидывает такие повороты, будто издевается.

— Вы хотели меня видеть?

Он откладывает бумаги, сцепляет пальцы в замок и чуть наклоняет голову. В этом движении столько властности, столько привычки, что все вокруг должны замирать и слушать, что хочется тут же вскочить и сказать: «Да знаю я, знаю, вы тут главный!» Но я сижу. И молчу. Жду.

— Да. У нас меняется подход к работе с ключевыми клиентами. С сегодняшнего дня вы ведёте «СтройИнвест» в новом формате: еженедельные отчёты, встречи не реже раза в две недели, контроль платежей в реальном времени.

Киваю. Сама невольно бросаю взгляд на его руки — большие, крепкие, покрытые густыми чёрными волосами, сквозь которые рельефно проступают мышцы; на предплечьях вздуваются вены, будто даже в покое в них пульсирует скрытая сила. Сколько он проводит в спортзале, интересно?

Поднимаюсь взглядом по рукам к их хозяину...

Сквозь расстёгнутый ворот белоснежной рубашки проглядывает крепкая грудь — в этом есть какая-то притягательная небрежность, будто он нарочно не застёгивает лишние пуговицы, чтобы показать: правила — для других, а он себе позволяет чуть больше. И от этой мысли внутри вспыхивает лёгкое раздражение.

Да что ты на него пялишься? — мысленно шикаю на себя и снова стараюсь смотреть ему в лицо. Только в лицо. В глаза. Без лишних деталей.

— И подготовьте мне отчёт по просроченным платежам. С разбивкой по дням и комментариями, почему допустили

задержку.

— Сделаю, — выдавливаю из себя.

— Хорошо, — снова кивает. Пауза. Он будто ждёт, что я ещё что-то скажу. Спрошу, уточню, проявлю инициативу. Но я молчу. Не потому, что нечего сказать, а потому, что боюсь, что вместо делового тона вырвется что-то лишнее.

— Я пойду?

— Идите, Рясная, идите, — чуть устало машет рукой, будто я его уже утомила одним своим присутствием.

Встаю, коротко благодарю и выхожу, прикрывая за собой дверь. В коридоре делаю глубокий вдох, но воздух почему-то не становится легче.

Бандюганское хамло — мой босс. И как мне теперь работать под его началом? Откидываю волосы назад, расправляю плечи.

Я справлюсь. Я сильная.

Только вот руки всё равно чуть подрагивают, когда я возвращаюсь к своему столу.

Галя тут же вскидывает голову, глаза горят.

— Ну? Какой он? Рассказывай! Такой... ну, вау!

— Строгий, — сухо отвечаю, опускаясь на стул и включая монитор. — Требовательный. Никаких импровизаций.

Она чуть сдувается, будто ожидала чего-то более яркого.

— А улыбка? Хоть раз улыбнулся?

— Нет, — усмехаюсь я. — И, Галь, не надо из него героя романа делать. Он просто начальник. И у меня сейчас столь-

ко работы, что думать о его улыбке некогда.

Галя кивает, но в глазах всё ещё мелькает её вечное любопытство.

— Ладно. Тогда вот договор по «Лакомке». И выгрузки по платежам. Ты просила.

— Спасибо, — беру бумаги. — А теперь давай работать. Мне надо успеть подготовить отчёт до обеда.

Глава 3

— Мамочка, мамочка... — всхлипывает дочь в трубке.

— Что случилось, Аня? Говори чётко.

— Мамочка... мы... мы... — снова захлёбывается слезами.

— Аня, вдох, выдох. Ещё раз. Вдох, выдох. Рассказывай, что случилось.

— Квартира горит... — еле выговаривает она.

— Что?! — я подскакиваю резко из-за стола. — Как горит? Где?

— Мы с Яриком... он пришёл ко мне... мы хотели просто... а потом... потом всё вспыхнуло...

Опять этот Ярик. Там, где он, — обязательно какая-то проблема. Но я тут же гашу эту злость. Сейчас не до упрёков.

— Пожарных вызвали?

— Да. Они уже тушат. Кнопка с нами, мы на улице...

Выдыхаю. Главное — все живы. Это самое главное.

— Я еду. Никуда не уходите, стойте там, где безопасно. Слышишь?

— Слышу...

Бросаю трубку, хватаю сумку. Пальцы не слушаются, застёжка щёлкает не с первого раза.

— Люб, что случилось? — Галя смотрит на меня огромными испуганными глазами.

— Аня со своим другом... они что-то подожгли. В квартире пожар. Мне надо ехать.

— Какой кошмар... Езжай, конечно. Я тут всё... как-нибудь... отчёт сама доделаю, если что. Только... Бережного, наверное, надо предупредить.

— Бережной сейчас у меня и так всё получит, — цежу сквозь зубы, уже шагая к двери.

Иду по коридору второй раз за день, и теперь каблуки стучат не от волнения — от злости. Эта злость даже помогает: не даёт рассыпаться, держит прямо.

Не останавливаюсь перед его дверью. Не делаю вдох. Просто распахиваю дверь без стука.

— Рясная?! — он вскидывает голову, брови сходятся в одну жёсткую линию. — Стучаться вас Павел Иванович не научил?

— У меня в квартире пожар, — выпаливаю, не давая ему договорить.

— И почему я не удивлён? — усмехается.

— И там сейчас мой ребёнок... с вашим сыном.

Он подскакивает, хватая со спинки стула пиджак.

— Пожарных вызвали?

— Вызвали. Они уже тушат.

— Поехали.

Мы выходим в приёмную. Бережной на ходу бросает секретарше:

— Меня сегодня не будет.

Вылетаем на парковку. Он быстрым шагом идёт к своей БМВ, щёлкает брелоком.

— Садись, — говорит тоном, не терпящим возражений.

— Я на своей, — упрямо мотаю головой.

— Ты уверена, что сейчас в состоянии сесть за руль? — в его голосе нет насмешки, только жёсткая, сухая забота. Та, что не спрашивает, а просто ставит перед фактом.

Я замираю. И понимаю: он прав. Если я сейчас сяду за руль, могу не доехать.

— Мечникова, десять, второй подъезд, — выдавливаю из себя и сажусь в его машину.

Он кивает, обходит машину, садится за руль. Едем быстро, но ровно — будто он не просто везёт меня, а старается удержать этот день от окончательного распада.

— Не трясись, — говорит, поглядывая на меня краем глаза. — Главное, что дети живы.

— И Кнопа, — всхлипываю.

— Кто такая? Младшая дочь?

— Кошка.

— Ещё и кошатница... — вздыхает.

— Что это значит? Не любите кошек? — вскидываюсь я.

— Обожаю, — преувеличенно закатывает глаза.

Понятно — не любит. Я невольно фыркаю сквозь слёзы. Но тут же понимаю, что не до разговоров про любовь к кошкам мне сейчас.

Мы подъезжаем к дому. Я выбегаю из машины, даже не

дожидаясь, пока она полностью остановится. У подъезда всё ещё толпятся люди: соседки в халатах, зеваки, пара человек с телефонами. Пожарные сворачивают рукава, переговариваются короткими фразами. Дым уже почти рассеялся, и от этого становилось чуть легче: раз не дымит — значит, худшее позади.

Бережной уходит разбираться с пожарными, а я подбегаю к Ане. Она стоит на улице вместе с Яриком, прижимая к себе Кнопу.

— Мам, я не хотела... правда... мы просто хотели борщ сварить... Ярик сказал, он умеет... а потом полотенце загорелось... оно вспыхнуло, как бумага...

Обнимаю её, крепко, так, чтобы она почувствовала: я здесь, я не сержусь, я просто рада, что она жива.

— Всё, всё... тише. Ты не виновата. Просто... просто так вышло.

Кнопа смотрит на меня огромными глазами, жалобно мяукает, будто хочет сказать: «Заберите меня отсюда».

— Девочки мои, — шепчу я, прижимая их обеих. — Тёплые, живые, дрожащие. Целые.

— Кухня выгорела, — подходит к нам Бережной. — Не вся, но прилично: шкаф, полка, вытяжка. Остальное залили водой, но несущие стены целы. Это главное.

Я киваю. Слова не идут. Вместо них в голове: «кухня выгорела», «залито водой», «как мы теперь будем». Но вслух я этого не говорю. Аня и так смотрит на меня огромными,

полными слёз глазами.

— Любовь Евгеньевна, простите меня. Это я во всём виноват. Анята вообще ни при чём, — говорит, склонив голову, Ярик.

Что я ему могу ответить? Вчера не виноват, сегодня не виноват...

— Я возмещу ущерб. Покрою все расходы на ремонт, — заявляет Бережной.

— Вы-то тут при чём? — вскидываюсь я.

Первой мыслью, когда я летела к нему в кабинет, было обвинить его во всех смертных грехах. Но сейчас я понимаю, что это стечение обстоятельств и неосторожность наших детей привело к таким последствиям. И уж точно в этом нет вины моего начальника.

— Ну, мой сын всё-таки участник, — настаивает Бережной.

— Не нужно. Я сама со всем справлюсь. Но спасибо за предложение.

— А это не предложение, а утверждение.

— Вы сейчас не мой начальник, чтобы приказы раздавать, — огрызаюсь я и тут же мысленно стучу себя по лбу: Ой, дурная, ну чего я на него наезжаю? Человек помочь просто хочет.

Дети переглядываются между собой.

Аня шепчет удивлённо:

— Начальник?

Ярик пожимает плечами.

— Любовь, спрячь свои шипы. Сейчас это не к месту, — спокойно говорит Бережной.

Не могу не согласиться. Но молчу.

— Мам, а где мы жить теперь будем, пока ремонт будут делать? — жалобно спрашивает Аня.

— К бабушке поедем.

— Ма! Я не хочу к бабушке! — смотрит на Ярика, он на неё.

— Надо было раньше думать. Вчера полиция, сегодня пожарные, завтра что?

— Маму-у-уля, я больше не буду никуда влезать. Честно-честно! Но к бабушке ехать не хочу. Здесь же Ярик, подруги, друзья... Всё моё тут! Да и на работу тебе из Мичуринска каждый день ездить придётся — ты же с ног свалишься!

Я опускаю руку ей на плечо, чуть сжимаю. Хочется сказать: «Да ладно, доеду, не впервой», но вижу, как у неё глаза снова наливаются слезами, и понимаю: сейчас ей важно не просто услышать «всё будет хорошо», а почувствовать, что её правда слышат.

— Тише, тише, — говорю спокойно, хотя внутри всё ещё гудит, как натянутая струна. — Никто тебя никуда силком не тащит. Разберёмся.

Аня всхлипывает, прижимается ко мне.

— Не могу не согласиться с Аней, исключительно как

твой начальник, — вставляет Бережной. — От Мичуринска до города четыре часа. Опаздывать будешь каждый день, как пить дать.

Только про работу и думает, — хочется буркнуть, но я сдерживаюсь.

— Давайте я вам отель оплачу. На время ремонта.

— Нет, исключено.

— Па, а пусть они у нас поживут! Дом же большой. Все поместимся! — радостно предлагает Ярик, глядя на Аню. Она улыбается, глаза горят. — И на работу вместе будете ездить, и Любовь Евгеньевна точно опаздывать не будет. Я ж так понял, вы теперь работаете вместе.

— Вместе, — отвечаю я. — Но жить мы у вас точно не будем.

— Отличное предложение, Яр. Я за, — невозмутимо говорит Бережной.

А я от возмущения открываю рот, как рыба, которой не хватает воздуха:

— Я против!

— Я за! — говорит дочь и поднимает свою руку и лапку Кнопы.

— И я за! — поднимает руку Ярик.

— Три с половиной против одной упрямицы, — констатирует Бережной.

— Я не упрямица, и Кнопа не половина!

Аня принимается меня уговаривать. Я понимаю, что в

данной ситуации и правда не до гордости. Но жить дома у чужого человека — это за гранью. Тем более у своего начальника. А если на работе узнают... что обо мне подумают? Жуть...

— Идите собирайте сумки, — кивает на дом Бережной.
— Пожарные всё проверили. Только там пол скользкий — осторожно, и проводка обесточена.

— Пошли? — спрашивает Аня.

— Идём, — пожимаю плечами.

Аня отдаёт Кнопу Ярику. Он прижимает её к себе. Бережной, глядя на это, кривится — заядлый кошатник, видно невооружённым глазом. А мы идём с ней собирать сумки — в неизвестность.

Да уж... Неисповедимы пути Господни... Кто бы мог ещё вчера подумать, что бандюган окажется моим начальником и что я с дочерью перееду к нему домой... Кошмар!

Глава 4

Владимир

Привожу потерпевших к себе домой. Две с половиной женщины в моём доме — событие, конечно, неожиданное и уж точно мною не планируемое. Но Яр явно рад, в отличие от меня и Графа — моего доberman, который шерстяную вообще не заценил. Пришлось даже его заточить в вольере, чтобы не устроил тут показательное выступление о том, кто тут главный.

— Ой, а жена ваша? — тормозит в дверях Рясная, оглядывается по сторонам. — Она не будет против?

Я чуть усмехаюсь. Не поздновато ли ты об этом подумала?

— Её нет больше, — пожимаю плечами.

Она испуганно закрывает рот рукой.

— Простите... — шепчет. — Мои соболезнования.

— Спасибо, конечно, за соболезнования, — киваю. — Но их лучше адресуйте её новому мужу.

— Шутник, блин, — фыркает Рясная.

— Па, я покажу Анютке её комнату! — Яр чуть ли не подпрыгивает от нетерпения, глаза горят.

— Я сам покажу, — отрезаю спокойно. Порядок из хаоса надо наводить сразу, пока он снова не расплылся.

Беру их чемоданы — не тяжёлые, но в них вся их жизнь на ближайшие дни.

— Идёмте.

Рясная идёт за мной на второй этаж с гордо поднятой головой, шерстяная восседает у неё на руках, как королева, и оглядывает дом с видом ревизора — будто прикидывает, где тут можно устроить самый громкий ночной марш-бросок. Следом — зазноба моего сына. Ох, опасно это: два подростка под одной крышей. Дедом я пока становиться не собираюсь. Надо будет провести с ним беседу по этому поводу. И комнату Ане выделю подальше от Яра — на всякий случай.

— Вот, — распахиваю дверь в гостевую. — Располагайся. Тут тихо, окна во двор, никто не помешает.

Рясная заходит, медленно окидывает взглядом комнату: кровать с плотным покрывалом, комод, кресло у окна. Видно, как она старается не выдать, насколько ей сейчас хочется просто упасть на эту кровать и не шевелиться до завтрашнего полудня.

— Спасибо... — говорит тихо, почти шёпотом, будто если скажет громче, голос дрогнет.

Аккуратно опускает шерстяную на пол. Та тут же делает два круга по комнате, нюхает плинтус, задирает хвост и выдаёт короткое «мяу», будто ставит визу: «Одобрено. Можно жить».

Закрываю дверь.

— Теперь ты, пошли, — киваю Ане. Яр уже крутится рядом, будто боится, что если хоть на секунду отстанет — пропустит что-то важное.

Завожу девочку в её комнату — на ближайшее время. Она, как и мама, медленно окидывает взглядом пространство: кровать, окно, штору, которая чуть колыхнется от сквозняка.

— Располагайся.

— Спасибо вам большое, — шепчет она. Голос тихий, но в нём столько искренности, что внутри что-то чуть сдвигается.

Киваю в ответ.

Закрываю дверь чуть плотнее, чем нужно. Пусть посидит, выдохнет, привыкнет к новым стенам.

— Пошли, ужин готовить, — киваю сыну. — Нечего здесь отираться.

Он плетётся за мной, повесив нос. Не дал ему с Аней поворковать. Ромео, блин.

На кухне достаю казан, рис, овощи, специи.

— Давай мясо из холодильника. Будем плов девчонкам делать.

Яр молча достаёт мясо, моет, в раковине.

— Ты шоу «Беременна в шестнадцать» видел? — бросаю как бы между делом, не глядя на него.

Он скидывает голову, удивлённо, чуть настороженно.

— И?

— Я не хочу, чтобы мой сын стал его участником. Поэтому чтобы я тебя у Ани в комнате не видел. Ясно?

— Ну, пап... — тянет он.

— Не «пакай» мне. Всё понял?

— Понял, — вздыхает, но уже без сопротивления. Просто принимает правила.

— Вот и хорошо, — киваю, насыпая зиру в казан. — А теперь давай лук режь. Тонко. Как я учил.

Сам принимаюсь за нарезку мяса.

— Мяу, — раздаётся где-то сбоку. Очевидно, шерстяная решила, что кухня — это её штаб-квартира.

— Мясо будешь? — кидаю ей кусочек на блюдце.

— Мяу.

— Губа не дура, — усмехаюсь.

Шерстяная накидывается на кусок, начинает чавкать и рычать не хуже, чем мой Граф, когда тот видит, что к его миске кто-то посмел подойти.

— Дикарка, — качаю головой, глядя на это представление. — А ещё дамой себя мнит...

— Ой-ой, куда же вы мясо-то сырое Кнопе? — Рясная всплескивает руками.

— Ой, а какое она у тебя предпочитает? Забыл спросить — аль денте?

— От сырого же глисты будут!

— Ну так дашь таблетку ей от глистов? В чём проблема-то? — пожимаю плечами. — Пусть шерстяная поест хоть раз в жизни по-человечески.

Рясная закатывает глаза:

— Сырое мясо — это, по-вашему, по-человечески?

— Зато хоть кто-то сегодня будет доволен, — бурчу, а сам

втайне улыбаюсь.

Пытается забрать у шерстяной кусок. Ага, щас! Кошка с охуевшим взглядом хватает кусок мяса и даёт по съёбам с ним под стул.

— Не ешь, Кнопа, эту гадость, — уговаривает Рясная. — Ну, Кнопочка... Я тебе корм сейчас дам, вкусный.

Поворачиваюсь на звук. И смех застревает посреди горла. Рясная в облегающих серых лосинах стоит на четвереньках и заглядывает под стул. Футболка задралась, открыв спину.

Охренеть... Вот это попочка — прям сердечком. Стою, повернув голову набок, рассматриваю, облизываясь, как шерстяная на кусок мяса.

— Па, — бьёт меня легонько по плечу Яр.

— А?

— Слюна капает, — ржёт, не сдерживаясь.

Я моргаю, возвращаюсь в реальность.

— Чего ржёшь? — бурчу, но уголки губ сами ползут вверх. — Просто задумался.

— Да я так и понял, — пытается скрыть смех, но выходит только новый приступ хихиканья.

Рясная тем временем сдаётся: выпрямляется, отряхивает колени, вздыхает.

— Ладно, пусть доедает. Завтра я ей нормальный корм дам. С витаминами.

— Завтра я ей ещё кусочек кину, — бормочу себе под нос. — Сразу под стул. Желательно в моей спальне...

Глава 5

Бережные в четыре руки приготовили плов. Неожиданно, конечно. Я и не знала, что мужчины умеют готовить. Думала, максимум — яичницу спалить да пиво пить.

Мы с Анюткой попытались было сунуться с накрыванием стола — ну, вроде как «мы тоже тут, мы полезные». Но

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.